

Зелинский Фаддей Францевич

Tragodumena

**Исследования в области развития
трагических мотивов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф15

Ф15 **Фаддей Францевич З.**
Tragodumena: Исследования в области развития трагических мотивов / Зелинский Фаддей Францевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 60 с.

ISBN 978-5-519-86035-2

ISBN 978-5-519-86035-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Гомеръ жертвоприношеніе Ифигеніи? И да, и нѣтъ; онъ знаетъ о немъ, но намѣренно его упраздняетъ. А что оно древнѣе Илиады, это можно подтвердить еще однимъ соображеніемъ.

II.

Рядъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ о жертвоприношеніи въ Авлидѣ начинается для насъ съ киклическихъ «Кипрій»; соотвѣтственное мѣсто въ экскерптѣ Прокла гласитъ такъ:

«Когда флотъ вторично собрался въ Авлидѣ, Агамемнонъ, убивъ на охотѣ оленя, сказалъ, что онъ превзошелъ самое Артемиду. Разгнѣванная богиня задержала плаваніе, наславъ бурные вѣтры. Когда Калхантъ ^{«Гигеионъ»} сказалъ про гнѣвъ богини и потребовалъ принесенія Ифигеніи въ жертву Артемидѣ, они послали за ней, точно собираясь выдать ее за Ахилла, и готовились принести ее въ жертву, но Артемида, похитивъ ее, перенесла къ тавраммъ и сдѣлала безсмертной, а вмѣсто дѣвы привела къ алтарю оленя»¹.

Разберемъ это свидѣтельство по пунктамъ.

1) Прегрѣшеніе Агамемнона. Собственно говоря, въ этомъ одномъ пунктѣ заключены цѣлыхъ два, а именно: а) сама наличность прегрѣшенія какъ такового, въ силу котораго жертвоприношеніе Ифигеніи является жертвоприношеніемъ искупительнымъ. Какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ², традиція въ этомъ отношеніи не была единодушной: существовалъ и такой вариантъ, согласно которому никакого прегрѣшенія не было, и жертвоприношеніе было не искупительнымъ, а умиловительнымъ, имѣя цѣлью вымолить у боговъ счастливый путь въ Иліонъ и успѣхъ въ войнѣ. б) Способъ прегрѣшенія: въ «Кипріяхъ» таковымъ, согласно экскерпту Прокла, представлена только похвальба Агамемнона, что онъ въ стрѣльбѣ превзошелъ самое Артемиду³. Есть, однако, обстоятельство, заставляющее насъ

¹ Mythogr. gr. I 240. Καὶ τὸ δεύτερον ἡθροισμένον τοῦ στόλου ἐν Ἀβλίδι, Ἀγαμέμνων ἐπὶ θήρας βαλὼν ἔλαφον ὑπερβάλλειν ἔφησε καὶ τὴν Ἀρτέμιν. Μηνίσασα δὲ ἡ θεὸς ἐπέσχεεν αὐτοῦς τοῦ πλοῦ χειμῶνας ἐπιπέμπουσα. Κάλχαντος δὲ εἰπόντος τὴν τῆς θεοῦ μῆνιν καὶ Ἰφίγένειαν κτελούσαντος ἰθεὺς τῇ Ἀρτέμιδι, ὡς ἐπὶ γάμον αὐτὴν Ἀχιλλεὶ μεταμεμψάμενοι θύειν ἐπιχειροῦσιν. Ἀρτεμις δὲ αὐτὴν ἐξαργύσασα εἰς Ταύρους μετακομίζει καὶ ἀθάνατον ποιεῖ, ἔλαφον δὲ ἀντὶ τῆς κόρης παρίσθησι τῷ βωμῷ.

² См. ниже о мифопеѣ Эсхила, гл. IV.

³ Впрочемъ, и здѣсь замѣтно двоеніе мифопеи: «Превзошелъ самое Артемиду въ стрѣльбѣ» — это одинъ мотивъ, довольно часто встрѣчающійся и въ другихъ мифахъ (объ Актеонѣ, Кассіопеѣ, Евритѣ, Фамиридѣ, Ниобеѣ, дочеряхъ Прета; ср. L. Schmidt, Ethik der alten Gr. II, 11 сл.); причеъ въ одномъ изъ нихъ (о Кассіопеѣ) искупленіемъ грѣха тоже является принесеніе въ жертву дочери (Андромеды). Этотъ мотивъ повторяетъ схолиастъ на Евр. Ор. 658 εἰπόντος μὲν ἂν τὴν Ἀρτέμιν οὕτως βαλεῖν, схол. Ven. A на Ил. I, 108 οὐδὲ ἡ

усумниться въ полнотѣ эксцерпта Прокла. Какъ давно уже было замѣчено, къ «Кипріянь» ближайшимъ образомъ примыкаетъ Софоклъ въ «Электрѣ». «Отецъ мой нѣкогда», говоритъ тамъ героиня, «забавляясь въ рощѣ богини, спугнулъ своими ногами, (т. е. шумомъ своихъ ногъ) пятнистаго рогатаго оленя; убивъ (или убивая) его, онъ проронилъ хвастливое слово; разгнѣвавшись вслѣдствіе этого, Латонина дочь задержала ахейцевъ, чтобы отецъ въ противовѣсъ звѣрю, принесъ въ жертву собственную дочь»¹. Согласно этимъ словамъ прегрѣшеніе Агамемнона было не простое, а двойное: во-первыхъ онъ въ рощѣ богини убиваетъ оленя, нарушая этимъ святость убѣжища², а во-вторыхъ, онъ оскорбляетъ ее своимъ хвастовствомъ³. На первый взглядъ можно-бы признать у Софокла «удвоеніе мотивовъ», часто наблюдаемое тамъ, гдѣ мифотворецъ перерабатывалъ трудъ своего предшественника⁴— вѣдь эксцерптъ Прокла даетъ намъ только второй мотивъ (похвальбу), а не первый (святотатство). Но именно только на первый взглядъ. Во-первыхъ, связь съ карой представляется гораздо болѣе органической при первомъ мотивѣ— «за оленя—дочь», чѣмъ при второмъ; это сознаетъ самъ поэтъ, прибавляя, что богиня потребовала дѣву именно въ противовѣсъ убитому звѣрю⁵. А во-вторыхъ, и развязка заста-

¹ *Ἀρτεμις οὕτως ἂν ἐτόξευσεν*. Другой мотивъ мы встрѣчаемъ у Аполлодора эпит. 3, 21 (ex. Sabb.): *Βαλὼν ἔλαφον εἶπεν οὐ δόνασθαι σωτηρίας αὐτὴν τυχεῖν οὐδ' Ἀρτέμιδος θελοῦσας*. Такъ какъ, однако, параллельныя слова въ ватиканской эпитомѣ гласятъ просто *βαλὼν ἔλαφον εἶπεν οὐδὲ ἢ Ἀρτεμις*, и Цециусъ на Ликофр. 183 повторяетъ ихъ именно въ этомъ видѣ, то Р. Вагнеръ, *Cicero mythogr.* 192 склоненъ допустить, что саввантскій эксцерпторъ по своему произвольно дополнилъ эффектную апосіопезу Аполлодора—и это вносило вѣроятно, не смотря на то, что это дополнение находитъ себѣ параллель въ кощунственной похвальбѣ Одиссея Од. IX 525 *ὡς οἷα ἀφθάλμιόν γ' ἵκηται οὐδ' ἐνοσίχθων*.

² Эп. 566: *πατὴρ ποθ' οὐμός, ὡς ἐγὼ κλέω, θεᾶς παῖζων κατ' ἄλλος ἐξεκίνησεν ποδοῖν στικτὸν κερᾶσθην ἔλαφον, οὐ κατὰ σφαγὰς ἐκχομπάσας ἔπος τι τυγχάνει βαλὼν*. Къ тождѣ мнѣнсааа *Λητὸν κόρη κατεῖχ' Ἀχαιοὺς, ὡς πατὴρ ἀντίστα θυμὸν τοῦ θεοῦ ἐκδιόσειε τὴν αὐτοῦ κόρην*.

³ Этотъ мотивъ одинъ (безъ мотива похвальбы) уцѣлѣлъ—и это очень замѣчательно—въ позднемъ романѣ греческаго Диктиса съ той только разницей, что здѣсь вѣсто оленя названа коза (въ схол. Ven. А на Ил. I, 108 традиція подлиннаго Диктиса *διὰ τὸ φονεῦσαι αὐτὸν τὴν ἱερὰν αἶγα τὴν τροφόμενην ἐν τῇ ἄλσει αὐτῆς* опять смѣшана съ вульгатой при-бавленіемъ словъ *καὶ πρὸς τοῦτο κανχησάμενον εἰπεῖν ὅτι οὐδὲ ἢ Ἀρτεμις οὕτως ἂν ἐτόξευσεν*). Ср. Ferd. Noack, d. gr. Diktys (Philol. Suppl. VI [1891 — 93] 421; 493).

⁴ Такое-же удвоеніе мы наблюдаемъ въ разсказѣ о смерти Аянта Локрійскаго у Гомера Од. IV 499 сл. Онъ уже былъ ненавистенъ Аѳинѣ (ст. 502—очевидно за святотатство въ ея храмѣ, другой причины быть не могло); все-же Посидонъ его бы спасъ, если-бы не его хвастовство *ἀέκητι θεῶν φυγεῖν μέγα λαῖμα θαλάσσης* (ст. 504).

⁵ Объ «удвоеніяхъ» будетъ сказано въ трудѣ, который я готовлю о рудиментарныхъ мотивахъ въ греческой трагедіи; пока ср. «Театръ Еврипида» И. О. Анненскаго (Моск. изд.) I 312.

⁶ *Ἀντίσταθμον*—слово повидимому техническое; аналогія — *ισομέτρητος* у Платона Федръ 235 D.

вляеть насъ предположить тотъ-же мотивъ: Артемида уже на алтарѣ замѣняетъ Ифигенію оленемъ, творя такимъ образомъ обратную мѣну: «за дочь — оленя». Итакъ, исконнымъ былъ первый мотивъ, привнесеннымъ — второй; а такъ какъ мы въ «Кипріяхъ» встрѣчаемъ второй (первый могъ быть пропущенъ только въ экскерптѣ Прокла, но отнюдь не въ самой поэмѣ), то придется отнести первый безъ второго къ докиклической и вѣроятно, если вспомнить сказанное выше (стр. 1004 сл.) къ догомеровской мифопеѣ.

2) Первая кара Артемиды. Она состоитъ въ томъ, что «богиня удерживаетъ ахейцевъ отъ плаванія, посылая на нихъ бурю». Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе именно на послѣднія слова: богиня не задерживаетъ вѣтры, а посылаетъ неблагоприятные, дѣлая этимъ плаваніе въ Трою невозможнымъ; какъ мы увидимъ ниже, пунктъ этотъ былъ впоследствии измѣненъ.

3) Вторая кара Артемиды, возвѣщенная Калхантомъ, состоитъ въ требованіи, чтобы Артемидѣ была принесена въ жертву Ифигенія, — если вѣрить экскерпту Прокла, именно она. Дѣло въ томъ, что и здѣсь мифографическая традиція несогласна: мы имѣемъ варианты: «прекраснѣйшую изъ дочерей Агамемнона», «старшую дочь Агамемнона»¹. Что изъ чего произошло? Слѣдуя вѣхамъ традиціи, придется признать: въ «Кипріяхъ» безъ дальняго мудрствованія было дано имя, позднѣйшіе мифотворцы ввели перифразы, предоставляя ихъ разгадку самому царю. И это вполне вѣроятно. Точно также и въ мифѣ о жертвоприношеніи Поликсены тотъ вариантъ, согласно которому Ахиллъ потребовалъ прямо Поликсены, древнѣе того, по которому онъ выразился описательно². Вѣдь Ифигенія была въ культѣ именно Артемидой-Ифигеніей³; культъ естественно повліялъ и на мифъ.

4) Предлогъ брака съ Ахилломъ. Тутъ экскерптъ выражается очень кратко и обще; и мы можемъ пока только формулировать наши вопросы, не предпрѣшая отвѣта на нихъ этого нашего древнѣйшаго источника. Но а priori представляются три возможности: а) Атриды обѣщаютъ Ахиллу

¹ Аполлодоръ эпит. 3, 26: *εἰ μὴ τὸν Ἀγαμέμνονος θυγατέραν ἢ κρατιστέουσαν καλλιφύγον Ἀρτέμιδι παραστή.* Я думаю, все-таки, что Р. Вагнеръ (Cugae mythographae 192) слишкомъ поспѣшно, останавливаясь на многихъ совпаденіяхъ Аполлодора съ Прокломъ, приписалъ и эту черту ихъ общему источнику, т. е. косвенно «Кипріямъ»; явно компилятивный характеръ Аполлодора заставляетъ быть осторожнымъ. Ср. ниже гл. V. — Диктисъ (Noask ук. соч. 423) *τὴν πρώτην τοῦ Ἀγαμέμνονος θυγατέρα* (filiam natu maximam въ латинской передѣлкѣ Септимія) вводитъ въ нашъ мифъ понятіе первородства, неизвѣстное греческой мифологіи, но очень извѣстное Ветхому Завету — очень интересная черта, неиспользованная еще для его характеристики.

² См. объ этомъ Театръ Еврипида И. О. Анненскаго I 307 сл. (Моск. изд.).

³ См. Павс. II 35, 6 (въ Герміонѣ), VII 26, 5. (въ Эгирѣ) II 22, 6 сл. (въ Аргосѣ).

Ифигенію, имѣя въ виду обмануть его такъ же какъ и ее; б) они вступаютъ съ нимъ въ соглашеніе и получаютъ отъ него право воспользоваться его именемъ, какъ приманкой; в) они дѣйствуютъ тайно отъ него. Которую изъ трехъ избралъ авторъ «Кипрій», мы, повторяю, не знаемъ; мы къ нимъ еще вернемся. Какъ-бы то ни было, несостоявшійся бракъ Ахилла съ Ифигеніей былъ здѣсь такимъ-же рудиментарнымъ, мотивомъ, какъ въ Иліадѣ IX 139 сл.; дѣйствительнымъ онъ былъ только въ преданіи о блаженномъ сожителствѣ обоихъ на островѣ Левкѣ¹.

5) О томъ, какъ Ифигенія была вызвана въ Авлиду — т. е. а) черезъ кого, а затѣмъ б) одна или съ матерью, — Проклъ тоже умалчиваетъ. Какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, традиція въ этихъ пунктахъ тоже двойится.

6) Спасеніе Ифигеніи: замѣнивъ ее оленемъ, Артемида переноситъ ее къ таврамъ и дѣлаемъ тамъ безсмертной. Трудно допустить, чтобы въ эпоху и на мѣстѣ составленія «Кипрій» — т. е. въ VIII в. и на Кипрѣ — имѣлись свѣдѣнія объ историческихъ таврахъ въ Крыму; къ тому-же нечего было переносить туда дѣву, чтобы надѣлать ее безсмертьемъ. Последнее прибавленіе доказываетъ², что страна тавровъ для автора «Кипрій» своего рода рай, полная аналогія къ сказочной странѣ гипербореевъ, куда Аполлонъ тоже уноситъ дорогихъ ему людей, чтобы надѣлать ихъ безсмертьемъ и вѣчнымъ блаженствомъ. Намъ этотъ исходъ въ «Кипріяхъ» кажется необычнымъ: это потому, что Еврипидъ своею «Ифигеніей Таврической» покорилъ традицію. Но эта его «Ифигенія» — специально аѳинскаго происхожденія, возникла подъ вліяніемъ аѳинскихъ культовъ, и въ доаттичскій періодъ поэзіи немыслима.

III.

Эпоха между Гомеромъ и аттической поэзіей въ области нашего міаа для насъ — *terra incognita*. Намъ извѣстно только, что Гесіодъ въ своихъ «каталогахъ женщинъ» говорилъ также и объ обожествленной дочери Агамемнона, которую онъ называетъ именемъ Гекаты, т. е. эпитетомъ ея покровительницы Артемиды³.

¹ Никаандръ у Антон. Либ. 27; см. гр. И. И. Толстой «Островъ Бѣлый и Таврика» (1918) стр. 14.

² См. гр. Толстого ук. соч. стр. 120 сл.; авторъ совершенно правильно, думается мнѣ, указываетъ на мифическій характеръ этихъ тавровъ, лишь позднѣе локализованныхъ въ окрестностяхъ Херсонеса Крымскаго. Напрасно только онъ называетъ эту сказочную страну вѣчнаго блаженства «островомъ смерти». Неубѣдительно также и дальнѣйшія комбинаціи съ *ταβρος*, Лемносомъ и т. д. (о Лемносѣ см. ниже въ «приложеніи»).

³ Павс. I 43, 1 по поводу мегарскаго преданія о смерти Ифигеніи: *οἶδα*

То-же самое утверждалъ и Стесихоръ въ своей «Орестей»¹ вѣроятнѣ всего въ связи съ рассказомъ о мужеубійствѣ Клитемнестры, оправданіемъ котораго было именно жертвоприношеніе Ифигеніи². Также поступаетъ, вѣдь, и Пиндаръ, слѣдующій традиціи Стесихора³. Вотъ и все, что мы можемъ привести изъ всей этой эпохи⁴; во всякомъ случаѣ ясно одно — что мифологема объ обожествленіи Ифигеніи съ таврами или безъ тавровъ стала основнымъ догматомъ преданія о ней.

IV.

Настоящій разцвѣтъ мифа объ Ифигеніи — дѣло аттической драмы и прежде всего Эсхила. Правда, изъ его «Ифигеніи» сохраненъ всего одинъ стихъ, хотя и драгоценный (fr. 94 N.); для того, чтобы извлечь изъ него все то, что можно, надо помнить и взвѣсить слѣдующее.

1) Мы должны исходить изъ апіорнаго предположенія, что эта «Ифигенія» составляла часть трилогіи, объединенной единствомъ фабулы — такова преобладающая вѣроятность. Дѣйствительно, изъ прочно установленныхъ 6 трилогій пять, а именно Оиваида, Прометея, Орестея, Ликургея, къ которымъ можно смѣло прибавить и Данаиду, соблюдаютъ этотъ законъ, и только одна — та, къ которой принадлежали «Персы», — его нарушаетъ. Но «Персы», какъ историческая трагедія, вообще стоятъ особнякомъ въ драматургіи Эсхила; ихъ связать трилогическимъ единствомъ съ другими драмами невозможно. Итакъ, будемъ исходить изъ этого предположенія; оно оправдывается, какъ читатель увидитъ, съ двухъ сторонъ.

2) Если «Ифигенія», сюжетъ которой заимствованъ изъ «Кипрій»

¹ *Ἡσίοδος ποιήσαντα ἐν καταλόγῳ γυναικῶν* (fr. 100 Rz) *Ἰφιγένειαν οὐκ ἀποθανεῖν, γυνὴν δὲ Ἀρετμιδὸς Ἑκάτην εἶναι*. Всякія догадки о происхожденіи и смыслѣ этой мифологемы праздны.

² Филодеу π. εδσεβ. р. 24 по возстановленію Наука. *Στη(σίχορος) δ' ἐν Ὀρεστεί(α κατ)ακολουθήσας (Ἡσίο)δῳ τὴν Ἀγαμέμνονος Ἰφιγένειαν εἶναι τὴν Ἑκάτην νῦν (ὀνομαζομένην)*, причемъ, однако, имя Гесіода остается подѣ сомнѣніемъ, такъ какъ папирусъ даетъ вмѣсто —δφ— ΤΩ (fr. 38 Bergk, который, однако, въ своемъ комментаріи неправильно говоритъ объ Эгнѣ вм. Эгирѣ въ Ахаѣ).

³ Это вѣроятнѣе, чѣмъ мнѣніе гр. И. И. Толстого (ук. соч. стр. 122), что Стесихоръ говоритъ объ Ифигеніи-Гекатѣ въ прямой связи съ мифомъ о преступленіи Ореста и его очищеніи, что несомнѣннѣе съ апофеозомъ Ифигеніи.

⁴ Puth. XI 34. Зависимость отъ Стесихора доказывается ст. 48 въ связи съ Stes. fr. 39 Bgk.

⁵ И пока это довольно безплодно. Правда, Виламовицъ (Негр. XVIII 249 сл.), комбинируя эту Ифигенію-Гекату съ Ифигеніей, дочерью Елены и Тесея и съ рамнуитской Немезидой соткалъ цѣлую символическую поэму. Не могу сказать, чтобы она вышла убѣдительною.

была связана трилогическим единствомъ съ двумя другими трагедіями¹, то эти двѣ тоже должны были восходить къ «Кипріямъ». А если такъ, то мы должны признать косвеннымъ подтвержденіемъ нашего предположенія тотъ фактъ, что только три трагедіи Эсхила потекли изъ «Кипрій» — а именно «Телефъ», «Ифигенія» и «Паламедъ». Это, значить, и была искомая трилогія. Предваряя результатъ настоящаго изслѣдованія, называю эту трилогію «Агамемнонидой».

Начинаю съ «Телефа». Дѣйствіе происходитъ въ Аргосѣ, передъ дворцомъ Атридовъ. Раненый мисійскій царь пришелъ просить ранившаго — Ахилла — объ исцѣленіи; чтобы придать вѣсъ своему просительству, онъ по совѣту и съ разрѣшенія царицы Клитемнестры (иначе это было неисполнимо) беретъ на руки младенца Ореста и съ нимъ садится у очага или — ради условій сцены — у алтаря передъ домомъ. Это просительство съ ребенкомъ, засвидѣтельствованное схолиастомъ на Аристофана², получило недавно подтвержденіе, благодаря одной счастливой находкѣ; мы можемъ считаться съ нимъ, какъ съ фактомъ³.

Разумѣется давно было замѣчено и другое: что это просительство съ ребенкомъ — точный сколокъ съ трогательной исторіи просительства извѣст-

¹ Велькеръ, тоже исходя изъ предположенія о трилогическомъ единствѣ, странно сбился съ пути правдоподобія, сопоставляя «Ифигенію» со «Жрицами» (*Iēreiai*) и «Строителями теремовъ» (*Θαλαμοποιοί*). Особенно ясна натяжка въ послѣдней гипотезѣ. Вѣдь бракъ съ Ахилломъ былъ фикціей; да и если-бы онъ не былъ таковой — какой смыслъ имѣла-бы постройка терема для новобрачныхъ въ Авлидѣ наканунѣ отплытія жениха! Къ тому-же *Θαλαμοποιοί* не значатся въ медичейскомъ каталогѣ (и не только не значатся, но даже не могутъ быть вставлены въ пятый столбецъ, предполагая, что таковой пропагъ), изъ чего мы вправѣ заключить, что это было лишь второе заглавіе — какъ теперь правдоподобно полагаютъ, трагедіи *Αἰρόπτιοι*, второй части «Данаиды» (это предположеніе Г. Германа, оспариваемое Наукомъ [Tr. Gr. fr. стр. 4] подтвердилъ Dieterich Rh. M. XLVII 141 сл.). «Жрица» же я, думается, правильнѣе отвесъ къ «Гераклидѣ» (Т. Евр. И. Θ. Авневскаго т. II, стр. 26). Трилогію «Телефъ», «Ифигенія», «Паламедъ» допускаетъ и В. Шмидтъ (въ Gr. Liter. Christ'a, стр. 288 5-го изд.).

² Ахарн. 332 ὁ Τηλέφος κατὰ τὸν τραγῳδοποιὸν Αἰσχύλον, ἵνα τύχη παρὰ τοῖς Ἑλλήσι σωτηρίας, τὸν Ὀρέστην εἶχε συλλαβόν. Сомнѣнія Фатера и Бакгейзена въ правильности этой схолии (они вмѣсто Эсхила вставляютъ Еврипиду), одобренные Наукомъ, Робертомъ (Bild und Lied 146) и др., нынѣ могутъ считаться упраздненными: Еврипиду принадлежитъ мотивъ угрозы Телефа ребенку, мотивъ-же мирнаго просительства съ ребенкомъ (иллюстрація: пелика Британскаго музея № 450, у Pollak'a, Zwei Vasen aus der Werkstatt Hierons [1900] табл. VI) былъ введенъ Эсхиломъ, см. слѣд. прим.

³ Развѣтіе мѣла о Телефѣ нынѣ представляется въ главныхъ чертахъ выясненнымъ. Мы имѣемъ: 1) Телефа «Кипрій» обычное эллинское просительство у алтаря безъ ребенка. Иллюстрація: чаша Іерона эпохи персидскихъ войнъ, старше трагедіи Эсхила (Pollack ук. соч. табл. I); 2) «Телефа» Эсхила: просительство съ ребенкомъ, но безъ угрозы (см. пред. прим.); 3) «Собравіе ахейцевъ» Софокла: повидимому возвращеніе къ «Кипріямъ» (см. моего Соч. III 280); 4) «Телефа» Еврипиды: возвращеніе къ Эсхилу, но ребенокъ является какъ-бы заложникомъ, и Телефъ грозитъ его убить.

наго Оемистокла у эпирскаго царя Адмета, разсказанной Оукидидомъ, I 136; но именно поэтому и было рѣшено, что Оукидидъ переносить на Оемистокла старый мифическій мотивъ—просительство Телефа¹. Находка, о которой рѣчь была только что, вмѣстѣ съ другими соображеніями даетъ намъ возможность съ полной увѣренностью утверждать, что не Оукидидъ перенесъ на Оемистокла мотивъ Телефа¹, а наоборотъ, Эсхилъ перенесъ на своего Телефа то, что случилось съ Оемистокломъ. А такъ какъ изгнанный Оемистоклъ только въ 465/4 году нашелъ себѣ убѣжище при дворѣ Артаксеркса и только съ этого времени могли возобновиться его сношенія съ афинскими друзьями, то придется заключить, что «Телефъ» Эсхила и съ нимъ вся его «Агамемнонида» поставлена ок. 460 г., т. е. непосредственно передъ Орестеей.

Теперь прошу обратить вниманіе на слѣдующее. Въ пародѣ «Агамемнона», первой трагедіи «Орестей», Эсхилъ говоритъ о напутственномъ знаменіи, ниспосланномъ обоимъ Атридамъ при выступленіи изъ Аргоса—т. е. именно въ тотъ моментъ, о которомъ говорилось въ «Телефѣ». Это знаменіе Калхантъ толкуетъ въ смыслѣ гнѣва Артемиды на будущихъ разрушителей Трои — «какъ-бы богиня не потребовала отъ нихъ другой, страшной жертвы!» Затѣмъ идетъ разсказъ объ Авлидѣ и жертвоприношеніи Ифигеніи; такъ 1) мифопея «Телефа» указываетъ впередъ на мифопею «Ифигеніи», и 2) пародъ «Агамемнона» связываетъ воедино мифопею «Телефа» и «Ифигеніи»—новое доказательство трилогическаго единства этихъ трагедій.

О прочемъ дѣйствіи Телефа можно говорить только предположительно. Героемъ былъ, конечно, Агамемноновъ: откажи онъ Телефу — походъ на Трою не состоится, такъ какъ Телефъ былъ необходимымъ проводникомъ; такъ возвѣстилъ Калхантъ. И онъ не прочь ему отказать. Но на его волю произ-

¹ Это мнѣніе съ большимъ жаромъ отстаиваетъ Вилламовицъ (Aristophanes und Athen [1897] I 150 сл.): Ich bin an dem Glauben (въ достовѣрность разсказа Оукидида) irre geworden, weil die Scene am Hofe des Admetos ein altes Sagenmotiv auf neue Personen überträgt: das ist Telephos in Argos. Изображенное въ предыдущемъ примѣчаніи развитіе мифа о Телефѣ позволяетъ намъ побить Вилламовица его-же оружіемъ: просительство съ ребенкомъ не принадлежитъ къ древнимъ чертамъ преданія; оно введено лишь Эсхиломъ. А что просительство Оемистокла было оригинально, просительство-же Телефа у Эсхила — копія съ него, это доказываетъ одно, до сихъ поръ, кажется, незамѣченное обстоятельство: описывая просительство съ ребенкомъ, къ которому Оемистоклъ прибѣгъ, по совѣту эпирской царицы, Оукидидъ прибавляетъ: καὶ μέγιστον ἦν ἰκέτευμα τοῦτο. Итакъ, просительство съ ребенкомъ—мѣстный, эпирскій обрядъ, неизвѣстный въ греческомъ мірѣ; дѣйствительно, сколько намъ ни сохранено и мифическихъ, и историческихъ гикесій—гикесія съ ребенкомъ не встрѣчается нигдѣ. Нельзя поэтому сомнѣваться, что она была оригинальной именно въ исторіи Оемистокла, и что Эсхилъ перенесъ ее въ свою трагедію, чтобы почтить память героя своихъ «Персовъ».

водится натискъ; во-первыхъ, Менеласъ, желающимъ вернуть жену; во-вторыхъ, Клитемнестрой, желающей вернуть сестру. Противъ нихъ обоихъ Агамемнонъ былъ такъ-же слабъ, какъ Амфіарай между Адрастомъ и Эрифилой. Клитемнестра подсказываетъ Телефу просительство съ младенцемъ-Орестомъ. Агамемнонъ сдается. Принимала-ли участие въ дѣйстви Ифигенія, изображенная въ позднѣйшей вазописи—мы не знаемъ. Но исцѣлить Телефа могъ только Ахиллъ—его, своего врага, ранившего его друга Патрокла въ сраженіи на Калкѣ. Какъ было склонить Ахилла отречься отъ этой естественной вражды?

Какъ? конечно, это фантазія, но допустимъ, что Агамемнонъ обратился съ этимъ вопросомъ къ своей женѣ. Она должна была дать ему женскій совѣтъ: «общаемъ ему выдать за него нашу Ифигенію».

Какъ-бы то ни было, но желаніе Телефа исполняется. Войско можетъ двинуться отъ Аргоса. Агамемнонъ прощается съ женой, дочерью, сыномъ. Вдругъ боги посылаютъ знаменіе съ орлами и зайчихой. Калхантъ его толкуетъ «какъ-бы Артемида не потребовала другой, страшной жертвы!» Подъ жуткимъ впечатлѣніемъ этого зловѣщаго слова мы расстаемся съ трагедіей о Телефѣ.

Въ слѣдующей трагедіи дѣйствіе переносится въ Авлиду; въ чемъ оно состояло, объ этомъ насъ поучаетъ тотъ-же народъ «Агамемнона». Никакого прегрѣшенія со стороны миксискаго царя не было—тутъ Эсхилъ опять расходится съ авторомъ «Кипрій». Артемида такъ сказать органически¹ ненавидитъ пернатыхъ псовъ своего отца, растерзавшихъ несчастную зайчиху съ ея приплодомъ. Она-же владѣлица Авлиды, и ненавистные теперь въ ея власти. И вотъ она запираетъ ихъ въ авлидской гавани²: если они хотятъ вырваться—пусть принесутъ ей въ жертву Ифигенію. Итакъ, жертвоприношеніе дѣвы не искупительное, какъ въ «Кипріяхъ», а умиловнительное³.

¹ Ag. 135 οἷφ γὰρ ἐπιφθονός Ἀρτεμὶς ἀγὰ πτανοῖσιν καὶ πατρός. Оборотъ непривычный, но хорошій; οἷφ ἐπιφθονός ἐστι — οἰκείον φθόνον τρέφει. Нѣмцы сказали-бы: ist von Haus aus feindlich gesinnt. Во всякомъ случаѣ ясно и изъ прорицанія Калханта ст. 126 сл., и изъ его исполненія въ Авлидѣ ст. 183 сл., что ни о какомъ прегрѣшеніи Агамемнона рѣчи быть не могло; оно не только не упоминается—его и вставить нельзя. Это видно также изъ полемики Софокла, Эл. 563 сл., изъ той демонстративной обстоятельности и настойчивости, съ которой онъ возвращается къ мотивировкѣ «Кипрій». Такъ и видно, что онъ отстаиваетъ ее отъ нападокъ предшественника.

² Запираетъ ихъ не штилемъ, а противными сѣверными вѣтрами: Ag. 192 πλοῖα δ' ἀπὸ Στρομβόνος μόλοισι. Это и есть ἀπλοῖα ст. 187. Въ этомъ Эсхилъ согласенъ съ «Кипріями» (выше стр. 1007); измѣнилъ традицію лишь Софоклъ.

³ Оттого-то она и названа *προτέλεια ναῦν* ст. 227. Несмотря на протестъ Софокла, къ которому (хотя и съ иной мотивировкой) присоединился Еврипидъ, это пониманіе возобладавало;

Поэтъ продолжаетъ: «Воинственные вожди презрѣли ея мольбы, ея призыванья отца, ея дѣвичьи годы; послѣ молитвы отецъ приказалъ служителямъ усердно поднять ее надъ алтаремъ, точно козу, головой впередъ, такъ что ризы съ нея сплывали, и задержать проклятье дому ея прекрасныхъ устъ насильемъ и нѣмой природой ремней. Роняя на землю красу порфиры, она поражала каждого изъ палачей стрѣлой своихъ глазъ, прекрасная, точно картина, какъ-бы желая заговорить съ ними — вѣдь не разъ она имъ пѣла въ гостепріимныхъ хорамахъ отца, когда ея чистый дѣвственный голосъ дружелюбно украшалъ счастливый трехвозмѣнный пѣанъ ея дорогого родителя»¹. А что было дальше — того я не видѣлъ, того я не скажу; но искусство Калханта достоверно». Отсюда видно, что Ифигенія недобровольно дала себя принести въ жертву — то-же самое, очевидно, придется допустить и для «Кипрій» да и для всей, какъ мы увидимъ, традиции объ Ифигеніи и литературной, и изобразительной, за единственнымъ исключеніемъ Еврипидовой «Ифигеніи Авлидской».

Но какъ попала дѣва въ Авлидскій станъ? Предлогъ брака съ Ахилломъ былъ обязателенъ для Эсхила, какъ и для всей традиции — и мы видѣли, какъ прекрасно онъ могъ быть подготовленъ дѣйствіемъ «Телефа». Итакъ онъ былъ обманутъ вмѣстѣ съ Ифигеніей и ея матерью?

Я думаю, такъ оно и было: дѣло въ томъ, что мы можемъ сослаться на изобразительную традицію, говорящую намъ о серьезной битвѣ Ахилла съ воинами Агамемнона изъ за Ифигеніи². У Еврипида отъ этой битвы остался только рудиментарный мотивъ³; Софокль-же не могъ быть вдох-

см. Lucr. I 100 exitus ut classi felix faustusque daretur; Verg. A. II 116 sanguine placastis ventos et virgine caesa; Hor. Sat. II 205 ut haerentes adverso litore naves eriperem, prudens placavi sanguine divos. Отмѣтимъ этотъ фактъ побѣды Эсхиловой мѣлопей.

¹ Это было возможно только во время сборовъ ахейскихъ вождей въ Аргосѣ, т. е. въ описанной въ «Телефѣ» обстановкѣ. Этимъ рекомендуется наше предположеніе о выступленіи Ифигеніи въ этой трагедіи.

² Ср. Виггелл, *Urne etrusche* I табл. XXXV—XLVII, всего 26 номеровъ вообще согласныхъ между собою и отличающихся только обиліемъ фигуръ. Особенно интересны для насъ №№ 8 — 11 и 20. Ахиллъ, конечно, не «падаетъ въ обморокъ отъ горя», какъ полагаетъ въ своемъ объясненіи Брунъ, а ушибленъ камнемъ въ голову; камень онъ и самъ держитъ въ рукѣ.

³ Ст. 1349 сл. АХ. ἐς θόρυβον ἐγὼ τε καὶ τὸς ἡλυσθον . . . КЛ. τίν', ὃ ξένε; АХ. σῶμα λευκοθήναι πέτροισι. У знакомаго съ теоріей рудиментарныхъ мотивовъ на основаніи этихъ словъ должно возникнуть подозрѣніе, что у предшественниковъ Еврипида этой «опасности» соответствовалъ фактъ; этрусскіе рельефы (см. предш. прим.) это подозрѣніе превращаютъ въ увѣренность. Т. П. Левицкая («Ифигенія Софокла» въ ЖМНП. 1913, отд. кл. фил. 335 сл.), впервые использовавшая это совпаденіе, полагала, что предшественникомъ Еврипида былъ тутъ Софокль; но приведенныя соображенія (особ. присутствіе Клитемнестры) говорятъ въ пользу Эсхила. Это вѣроятіе и потому, что только у Эсхила дѣйствіе происходитъ въ ахейскомъ станѣ — у Софокла оно происходитъ въ Аргосѣ.

новителемъ нашей традиціи по двумъ рѣшающимъ причинамъ: 1) у него Ахиллъ былъ въ сговорѣ съ Атридами и 2) у него Клитемнестра осталась въ Аргосѣ, между тѣмъ какъ названная изобразительная традиція представляетъ ее присутствующей при жертвоприношеніи. А такъ какъ мнѳопея Эсхила наложила вообще свою печать на дадѣйшую традицію объ авлидскомъ жертвоприношеніи, то естественно допустить, что и въ этомъ пунктѣ барельефы, о которыхъ мы говоримъ, иллюстрируютъ именно его «Ифигенію».

Итакъ Агамемнонъ посылаетъ женѣ приказъ: Ахиллъ требуетъ немедленнаго исполненія даннаго ему обѣщанія, ставя это условіемъ для своего участія въ походѣ; пусть-же Ифигенія снаряжается въ Авлиду. Приказъ передаетъ Одиссей, имѣя при себѣ глашатая Талѳибіа, какъ ручательство за его достовѣрность¹. Клитемнестра привозитъ Ифигенію². Вдругъ, вмѣсто брака — жертвоприношеніе. Клитемнестра въ отчаяніи; обманутая Одиссеемъ, она обращается за совѣтомъ къ его злѣйшему врагу, къ Паламеду³ — и это тотъ пунктъ трагедіи, въ которомъ «Ифигенія» указываетъ

¹ Аполлод. эпит. 3,22 (Савв.): *πέμψας Ἀγαμέμνων πρὸς Κλυταμνήστραν Ὀδυσσεύα καὶ Ταλθύβιον Ἰφιγένειαν ἦται*. Это могло стоять и въ «Кипріяхъ», и у Эсхила; о Софоклѣ см. ниже.

² О мнѳопеѣ «Кипрій» мы въ этомъ отношеніи прямыхъ свѣдѣній не имѣемъ; но такъ какъ Софоклъ вообще былъ склоненъ послѣ новшествъ Эсхила вернуться къ ней, то вѣроятно, что и тамъ Клитемнестра посылала Ифигенію въ троянскій станъ, сама оставаясь въ Аргосѣ. (ср. Аполлод., ер. Vат. 3,22 *Ἰφιγένειαν ἦται*.... *Περὶ φάσης δὲ ἐκείνης Ἀγαμέμνων τῷ βομφὶ παραστήσας*... Но для Эсхила правдоподобіе, что Клитемнестра сама привезла Ифигенію; говорить въ пользу этого слѣдующее: 1) у него дѣйствіе происходитъ въ ахейскомъ станѣ — значитъ, оставляя Клитемнестру въ Аргосѣ, онъ лишилъ-бы себя возможности вообще вывести ее на сцену. А возможностью этой онъ долженъ былъ дорожить: а) какъ трагическимъ мотивомъ вообще; б) чтобы на особѣ Клитемнестры выяснить значеніе *πάθος μάδος*: она въ «Телефѣ» заставила мужа предпринять походъ ради Елены — она-же приноситъ первую жертву за это насиліе. Связь съ «Телефомъ» требовала привлеченія Клитемнестры къ дѣйствию также и въ «Ифигеніи»; в) не менѣе его требовала и связь съ «Орестеей», о которой рѣчь была выше: только въ «Ифигеніи» могла зародиться та *παλινόρθος μνῆμων μῆτις τεχνόποινος* (Ag. 154), которая стала центральной пружиной для «Орестей». 2) Этрусскіе рельефы изображаютъ также и Клитемнестру въ числѣ присутствующихъ, а между тѣмъ эти рельефы не иллюстрируютъ ни Еврипида (у котораго нѣтъ пораненія Ахилла), ни Софокла (у котораго Клитемнестра остается въ Аргосѣ); итакъ вся вѣроятность въ пользу Эсхила. — 3) То-же самое придется сказать и объ этрусскомъ зеркалѣ, о которомъ будетъ сказано въ слѣдующемъ примѣчаніи. — 4) Единственный сохранившійся остатокъ изъ эсхиловой «Ифигеніи» (fr. 94) говоритъ именно о перспективѣ ссоры съ женщинами: *οὐτοὶ γυναῖξι χροί» κινάσονται. τί γάρ;*

³ Эта сцена представлена на этрусскомъ зеркалѣ (Gerhard, Etrusk. Spieg., 4, 5 р. 4 табл. 385). Слѣва Клитемнестра (Clumstra) разговариваетъ съ Паламедомъ (Talmitha), справа — Менелай (Menle) съ Одиссеемъ (Uthsta). Тѣ-же четыре фигуры на этрусской вазѣ, ср. Brunn, *Bulletino dell Inst.* 1865, 243 сл. Эсхилосское происхожденіе этой мнѳологемы врядъ-ли можетъ быть оспорено; только у него имѣлась соответственная обстановка, и сводить